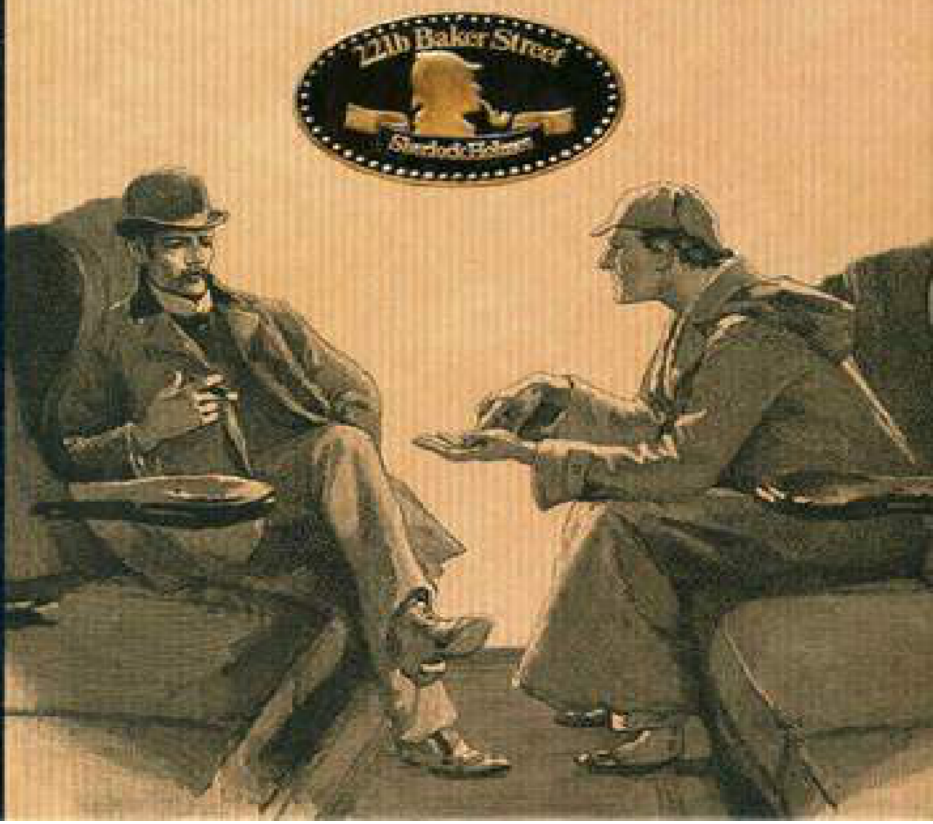
Невероятные расследования

Шерлока Холмса



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В оригинальности инсценировки собственной смерти никто не сравнится с Шерлоком Холмсом, который после мнимой гибели у Рейхенбахского водопада несколько лет странствовал по миру и скрывал свое спасение даже от доктора Ватсона. Многие читатели задавались вопросом: почему Холмс не послал другу весточку и не успокоил его? Ответом может стать следующая история, в которой старая знакомая выскажет свое мнение о периоде жизни Холмса, проведенном в бегах.

- Наоми Новик
  - ○
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2

Наоми Новик
Тоскливые будни

Наоми Новик — автор бестселлеров из серии «Отчаянный» («Temeraire»): «Дракон его величества» («His Majesty's Dragon»), «Нефритовый трон» («Throne of Jade»), «Black Powder» и «War Victory of Eagles». Питер Джексон, режиссер «Властелина колец», решил экранизировать всю серию целиком. «Дракон его величества» стал финалистом премии «Хьюго». Кроме того, Наоми Новик — лауреат премии имени Джона В. Кэмпбелла, вручаемой лучшему начинающему писателю-фантасту, премии «Локус» и премии Комптона Крука за лучший дебютный роман. Ее малая проза публиковалась в антологиях «Fast Ships, Black Sails», «The Naked City» и «Zombies vs. Unicorns».

В 2009 году молодой миллионер по имени Маркус Шренкер прыгнул с парашютом с летящего на автопилоте самолета, который впоследствии разбился в пятидесяти ярдах от жилого района во Флориде. Шренкер явно рассчитывал, что аппарат долетит до океана и сгинет навеки: он пытался инсценировать собственную смерть и так решить личные финансовые и юридические проблемы. Многих шокировал безрассудный эгоизм молодого человека, но, как ни крути, банальным его план не назовешь. Правда, в итоге Маркус подвел сам себя.

Разумеется, в оригинальности инсценировки собственной смерти никто не сравнится с Шерлоком Холмсом, который после мнимой гибели у Рейхенбахского водопада несколько лет странствовал по миру и скрывал свое спасение даже от доктора Ватсона. Многие читатели задавались вопросом: почему Холмс не послал другу весточку и не успокоил его? Ответом может стать следующая история, в которой наша старая знакомая выскажет свое мнение о периоде жизни Холмса, проведенном в бегах.

Вся моя жизнь — постоянное стремление избегнуть тоскливого

однообразия будней.

Шерлок Холмс. Союз рыжих

Почту принесли в восемь утра. Первым газету взял Годфри, чтобы прочесть ее до ухода на службу. «Моя жена — сокровище, ее не нужно развлекать за завтраком», — любил говорить он своим друзьям, хотя точнее было бы сказать, что Ирэн не требовались развлечения, которые Годфри мог устроить за завтраком, соответствующим этому названию с большой натяжкой.

Попроси Ирэн дать ей часть газеты, Годфри, естественно, выполнил бы ее просьбу, но затем потребовал бы листы обратно — мол, хочет дочитать статью до конца. Поэтому проще было потерпеть: пусть Годфри проштудирует газету целиком, а Ирэн спокойно позавтракает, размышляя о планах на день и о садике, украшавшем их коттедж. После ухода мужа у нее будет достаточно свободного времени.

— Шерлок Холмс погиб, — объявил Годфри, прежде чем кухарка принесла яйца, — на Рейхенбахском водопаде.

Ирэн рассеянно пробормотала что-то вроде: «Ужас!» и «Какая жалость!», а когда Годфри ушел, трижды перечитала заметку — один-единственный параграф о знаменитом детективе, ставшем последней жертвой гения преступного мира, и о его давнем компаньоне, вещавшем с места трагедии. От перечитывания короткая статья длиннее не показалась. Ирэн запомнила ее наизусть — годы зубрежки либретто сделали свое дело, — но оставлять газету на столе все равно не хотелось, выбросят же. Поэтому она унесла газету к себе в комнату, спрятала в письменный стол и вышла в сад к своим розам. Двадцать минут спустя вернулась, еще раз перечитала статью и выскользнула на парадное крыльцо.

Соседские мальчишки знали Ирэн: однажды мяч случайно выбил ее окно. Мяч она вернула и мягко попросила больше в ее окна не целиться. За несколько пенсов мальчишки с удовольствием согласились ей помочь и рассыпались по городу в поисках новостей и слухов. Через час Ирэн получила довольно мятый экземпляр «Стрэнд», со страниц которого вещал доктор Ватсон. В его словах чувствовался и наигранный драматизм, и неподдельное горе.

На следующее утро за завтраком Ирэн снова пробежала глазами статью, а Годфри, сидевший напротив, читал свежую газету.

Причин волноваться не было — Ирэн не видела Холмса целых два года и, в общем-то, не знала его. Да, однажды он под видом

священника проник к ней в дом, чтобы выкрасть фотографию, но разве это повод для нежных чувств? Если только для удовлетворения собственного тщеславия. Ведь она одолела достойного соперника. История о том случае — разумеется, Ирэн ее прочла — вышла очень лестной. Впрочем, обожателей у нее и так достаточно, еще один совершенно ни к чему, даже тот, кому ее фотография дороже изумрудов. Так или иначе, Холмса больше нет.

Тем не менее журнал «Стрэнд» отправился в ящик стола, где уже лежала газета.

В последнее время ее утренние часы мало отличались друг от друга — немного работы по дому (больше их маленькому коттеджу не требовалось) и в саду, несколько телефонных звонков. Брак не сделал Ирэн совершенно добропорядочной и уважаемой, но соседи вполне могли заводить с ней знакомство, которое гарантировало им каплю славы за чужой счет. Так приятно на приеме или на балу шепнуть друзьям: «Да, это та самая…»

Ирэн старалась не думать плохо о милых, но недалеких дамах, которые время от времени ее навещали. И обычно не делала этого. Им нравится сплетничать? Пусть сплетничают, не жалко! Главное, что они добрые. В прошлом году она болела (разве это слово передает опустошивший ее кошмар?), и невыплаканные слезы жгли глаза. Ирэн не хотела плакать перед деловитым доктором, прятавшим от нее взгляд и говорившим Годфри, смывая с рук кровь: «В ближайшее время вам нужно соблюдать осторожность и не предпринимать новых попыток».

Тогда соседки проявили к ней доброту, а не ограничились вежливым сочувствием. Первые дни Ирэн не могла думать ни о чем другом, но свежая еда и чистое белье в доме не переводились. Миссис Лидгейт и миссис Дэрроу каждое утро приходили с вышивкой и часами сидели в залитой солнцем гостиной с квадратными окнами. Неделю спустя они попросили Ирэн спеть. Посредине арии «В полуночной тишине»[1] она осеклась, склонившись над фортепиано, а соседки, как по команде, заговорили о служанках и обсуждали их ненадежность, пока Ирэн не взяла себя в руки.

Презирать соседок она уже не могла: в отличие от благосклонности коронованных особ, их доброта оказалась настоящей. Теперь она знала, чего стоят такие ценности, — во всяком случае, ей так казалось. Однако на этой неделе Ирэн с трудом подавляла раздражение. Она не следила за разговором в салоне миссис Уэссекс, пока кто-то осторожно не спросил:

— Ирэн, дорогая, вы же его знали?

— Не лучше, чем волк ягненка.

— Очень жаль, — бесцветным голосом проговорила миссис Бэллу, не отрывая глаз от вязания. — Хотела бы я понять, о чем он думал. Разумнее всего было вызвать полицию. Почему он позволил тому ужасному человеку столкнуть себя с обрыва?

— Да, конечно, — кивнула Ирэн и бросилась вон из дома.

Ее раздирали злоба и удивление: толстуха-вдова слишком много на себя берет! Разумеется, он не погиб.

Ирэн постояла на улице, и вскоре чувство юмора взяло верх над смятением. Она рассмеялась и отправилась домой, чтобы выбросить газету и журнал. «Хватит! — сказала она себе. — Хватит терзаться нелепой историей!»

Ирэн чувствовала: Джон Ватсон верит в свой рассказ. Ей казалось, что он похож на Годфри и готов не из романтических побуждений, а искренне pro patria mori,[2] даже если минутное обдумывание открывает удобные варианты. Дружба для него — святое, а любое сомнение в честности друга сродни предательству. Обманывать таких мужчин легко, но очень жестоко.

— Дорогая, ты чем-то расстроена? — спросил Годфри, и Ирэн поняла, что барабанит пальцами по столу, а про ответы на письма и думать забыла.

— Просто настроения нет. Все эта жара. — Она немного покривила душой — июнь только начался.

Через пару дней Ирэн отправилась на поезде в Париж, взяв с собой только служанку.

— Может, подождешь неделю? — спросил ее Годфри. — Я бы с делами более-менее разобрался.

— Было бы хорошо, но, боюсь, через неделю порыв пройдет и мне не захочется никуда ехать, — ответила Ирэн. — К тому же я знаю, что со спокойной душой ты дела не оставишь. Нет, я прокачусь в Париж, залижу раны, навещу своих недостойных друзей, достойнейшего учителя пения и вернусь, как только ты по-настоящему соскучишься.

— Тогда тебе нужно вернуться прямо сейчас, с самого порога, — галантно проговорил Годфри.

Ирэн тоже могла быть жестокой, и ей это нравилось.

В Париже Ирэн оставила служанку в отеле и вышла на «охоту». Разумеется, авантюризма в ее затее хватало, но она думала: «Либо здесь, либо в Вене, а Париж к Женеве ближе». Брюки отглажены, волосы спрятаны под шляпку — Ирэн дни напролет просиживала в маленьких кафе, потягивала кофе и смотрела, как мимо ее столика течет пестрая шумная толпа и

проплывают дамы в элегантных платьях — величавые, словно феи. После двух лет в тихой провинции она никак не могла привыкнуть к мерзкому запаху экипажей и чувствовала себя чужой, праздной наблюдательницей на берегу бурной реки.

Когда зажигались фонари, Ирэн оставляла на столике мелочь и шла в Гранд-опера или в филармонию: подкупит капельдинера, проскользнет в зал после первого акта, встанет на верхнем ярусе чуть поодаль от сидящих зрителей, и пока на сцене демоны забирают Фауста или на струнах серебрится Шестая симфония Чайковского, разглядывает в бинокль оркестрантов. После спектакля или концерта Ирэн пробиралась за кулисы с букетом — цветы спасали от ненужных вопросов — и прислушивалась к выговору музыкантов.

На исходе четвертого дня она отправилась в «Опера комик», где третьим скрипачом оказался бледный узколицый мужчина с ястребиным носом, который читал партитуру внимательнее, чем до́лжно музыканту-профессионалу.

Тем вечером Ирэн не написала Годфри: у раскрытого окна своего номера, вдыхая теплый и влажный воздух Парижа, она тренировала голос. В свете фонаря было видно, как прохожие останавливаются и поднимают головы. За спиной Ирэн служанка гладила ее платья, до сих пор дожидавшиеся своего часа в чемодане. Наутро знакомый устроил Ирэн встречу с директором «Опера комик», которому она представилась как мадам Ридардс из Америки. На пробах она спела так хорошо, что ее взяли в хор и утвердили дублершей исполнительницы партии Розетты в опере «Манон».

Во время первой репетиции Ирэн наблюдала за подозрительным скрипачом, но лишь со спины. Тот ни на секунду не отвлекался от партитуры, но когда она запела с четырнадцатью другими хористками, чуть поднял голову, присматриваясь.

Ирэн решила не заговаривать с ним первой: в свое время он дал ей шанс исчезнуть — значит, нужно ответить тем же. Однако вечером он поджидал ее у служебного входа: поджарый, прямой как палка, стоял поодаль от стайки юнцов, которые принесли цветы для хористок. Свет фонаря на него не падал, поля цилиндра отбрасывали тень на лицо. Ирэн застыла на лестнице, не обращая внимания на протянутые молодыми людьми букетики. Дам сердца у юнцов, видимо, не было, и они положили глаз на нее.

Ирэн улыбнулась молодым людям и громко, ничуть не смущаясь, проговорила:

— Джентльмены, вы мне мешаете, пропустите!

Ее пропустили, хотя без удивленных взглядов не обошлось. Но юнцы есть юнцы — следом за ней спускалась молодая очаровательная мадемуазель Парно, поэтому когда Ирэн приблизилась к музыканту, на нее уже никто не обращал внимания. Раньше такой возможности не было, и сейчас она с любопытством рассматривала его лицо: красивые глаза — большие и чистого серого цвета, рот тонкий, но чувственный.

— Похоже, я недостаточно осторожен. — Он протянул руку, и они вместе направились к рю де Ришелье.

— Надеюсь, тревожиться вам особенно не о чем, — отозвалась Ирэн. — Ваш заклятый враг действительно улетел к подножию Рейхенбахского водопада?

— Да. Разумеется, сначала я его застрелил.

Они поужинали в маленьком безымянном кафе — устроились за столиком на улице, среди чужих разговоров и шума экипажей.

— Несколько его сообщников выскользнули из сети, — сказал он, нетерпеливо махнув бледной рукой с тонкими длинными пальцами, — но они ему не чета. К тому же, скорее всего, следят за Ватсоном.

— Отличный предлог, — задумчиво проговорила Ирэн. — Если понадобится, будет чем оправдаться перед другом.

Холмс смерил ее долгим взглядом:

— Порой нелегко быть предметом обожания.

— Действительно.

Его губы дрогнули в кривоватой улыбке.

— Хуже только…

Она кивнула и уставилась в чашку с кофе.

Король Богемии со своими драгоценностями и удивленным возгласом преподал ей хороший урок. Он даже не предполагал, что Ирэн примет его помолвку так близко к сердцу — считал ее светской женщиной, которая все понимает. Впоследствии Ирэн действительно поняла: ее любили как цветок, который стоит в вазе на каминной полке; но вода неизбежно мутнеет, и цветок выбрасывают.

Даже в первый момент боли Ирэн не пожалела о связи с ним, пусть на самом плотском уровне: у него были широкие плечи и сочный, красивый рот. Она злилась лишь на то, что ее мало уважали и так легко забыли. Ирэн могла списать это на его слабость, не на свою — ведь это она его выбрала.

Тем не менее Ирэн заставила короля Богемии пожалеть о том, что он ею пренебрег, а себе простила ошибку. Ей не было и двадцати, совсем девочка, да и урок она хорошо усвоила: главное — быть не просто обожаемой, а обожаемой достойными.

Годфри, несомненно, был достойным, даже если дикое

порочное естество Ирэн противилось необходимости жертвовать свободой. Она понимала, что без жертв Годфри ей не видать, хотя внутренняя борьба не утихнет никогда.

— Откуда знаете? — резко спросила Ирэн.

— Он женился, — коротко ответил Холмс.

Уточнять, о ком речь, разумеется, не требовалось.

— Я это всячески поощрял, — добавил Холмс. — Жалел, что так привязался к нему, и убедил себя, что он мне не нужен, а одиночество только на пользу. — Он снова улыбнулся криво и невесело. — С тех пор у меня было достаточно времени, чтобы обдумать сей курьез: лондонские преступники, как ни старались, обмануть меня не смогли, а сам я себя обманул.

Ирэн, конечно, не спрашивала, но усталое сожаление в глазах Холмса убедило ее, что романа между ними не было. Холмс думал об этом, но отверг возможность отношений, вероятно, во имя той же свободы. Ватсон ради него пересек бы Рубикон, но после такого Холмс не уехал бы. Вспомнилась статья, в которой доктор говорил: «О сердечных чувствах Холмс рассуждал исключительно с насмешкой». В словах Ватсона Ирэн почувствовала горечь: интуитивно или нет, но тот понял, что его бросили, а женитьба стала своеобразной местью. И на редкость удачной — его визави пустился в бега.

Прежде у Ирэн не было ни малейших оснований благодарить судьбу, заставившую ее пожертвовать добродетелью ради кратчайшего пути к свободе. Но, по крайней мере, не приходилось задумываться о проблемах вроде тех, что обременяли собеседника.

— Вы вернетесь? — только и спросила она.

— Нет, пока она жива.

В его комнате царил бы беспорядок, только вещей в ней практически не было: ни писем, ни фотографий, одни нотные листы на подоконнике и комоде да канифоль для смычка на письменном столе.

Холмс оказался достаточно неопытен: собственная реакция его ошеломила, и Ирэн укрепилась в подозрениях. Каким несчастным он потом выглядел! Ирэн негромко смеялась, но не от жалости, потому что затравленный взгляд исчез, и Холмс буквально бросился на нее.

Молва приписывала ей десяток любовников, но на самом деле Холмс был лишь номером три и разительно отличался от других: худой, неугомонный, а стоило немного освоиться, еще и решительный. Как здорово, когда мужчину не нужно утешать и подбадривать, — Ирэн полностью сосредоточилась на собственном удовольствии и остроте новых ощущений. Ей

нравилось его поджарое тело, ловкие руки и ненасытность: казалось, под кожей у него огненная лава, даже впалые щеки разрумянились.

Утром Ирэн проснулась рано, села за письменный стол и написала Годфри. За ее спиной на растерзанной постели спал Холмс. Бледный свет из окна падал на его лицо и скомканные простыни; на улице лило как из ведра.

> *Весной в Париже, как всегда, очень красиво и идет дождь,* — писала Ирэн мужу. — *Я рада, что приехала, но, дорогой мой, так приятно сознавать, что ты ждешь меня дома посвежевшую, как этот город после дождя. Впервые за целый год я полна сил и готова снова отбросить осторожность.*

notes

Примечания

1

Ария Розины из оперы «Севильский цирюльник» Джоаккино Россини.

2

Умереть за отечество *(лат.)*. Часть строфы Горация: «Dulce et decorum est pro patria mori» («Сладка и прекрасна за родину смерть»).